

держаніе ея почти ничѣмъ. Оставалась отъ нея только одна деспотическая форма...

Онъ утверждаетъ, что чѣмъ дальше уходитъ народъ въ своемъ развитіи, тѣмъ болѣе образованіе переходитъ изъ школы на улицу. Толстой порицаетъ современное воспитаніе какъ нравственный деспотизмъ, какъ стараніе одного человека сдѣлать другого совершенно похожимъ на себя, какъ ничѣмъ не оправдываемое нарушеніе въ правѣ личности, на которое мы не имѣемъ никакого нравственнаго права.

И вотъ Толстой рисуетъ контрастъ между ребенкомъ на улицѣ или дома и ребенкомъ въ школѣ.

Одинъ — «жизнерадостное, любознательное существо съ улыбкой въ глазахъ и на устахъ, во всемъ ищущее поученія, какъ радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своимъ языкомъ; другой — измученное, сжавшееся существо, съ выраженіемъ усталости, страха и скуки, повторяющее однѣми губами чужія слова на чужомъ языкѣ, — существо, котораго душа, какъ улитка, спряталась въ свой домикъ».

Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ своихъ опытовъ въ школѣ Толстой собралъ свои выводы въ статьѣ о народномъ образованіи. «Единственная основа образованія, — говоритъ онъ, — есть свобода, — свобода для народа устраивать свои собственные школы, свобода для учениковъ выбирать, чему и какъ имъ учиться. И только опытъ можетъ указать наилучшій методъ преподаванія, устанавливая наиболѣе естественное отношеніе между учителемъ и учениками. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ степень свободы опредѣляется учителемъ, его знаніемъ, его талантами, но, вообще говоря, чѣмъ меньше въ школѣ принужденія, тѣмъ она лучше».
